

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Элина НИКОЛАЕВА

"Аквариум" — это не название группы людей, это характеристика музыки определенного типа — так сказал Борис Гребенщиков. Рок-музыкант, поэт, певец, композитор. Но с недавнего времени он еще и связующее звено между миром современной музыки и миром политики. Многие на его месте встанут в позу, а он не боится обвинений в конформизме. Он просто пишет музыку, играет концерты и очень счастлив.

— Я живой до сих пор — уже 51 год — это третья стадия жизни. И я сейчас получаю удовольствия от жизни значительно больше, чем раньше мог думать. Выясняется, что чем дальше, тем интереснее.

— **Что вас радует? Солнышко, которое восходит, птички?**

— Вы знаете, да, и чем дальше, тем больше. Обожаю небо голубое.

— **А что вы думаете про своих слушателей, про своих поклонников?**

— Я очень редко встречаюсь со слушателями, к сожалению.

— **Ну, кстати, вот я ваша слушательница...**

— Это очень приятно.

— **Знаете, некоторые люди в нашей стране до сих пор считают, что ваши концерты — это нечто экстремальное, что там безобразия какие-то творятся. Как обычно проходит ваш концерт?**

— Там творятся безобразия с начала до конца. То есть мы готовимся к концерту, настраиваем звук, потом, собственно, выходим на сцену, играем концерт. И все это — сплошное безобразие. Кто кричит, а кто слушает. В разных городах по-разному. В некоторых больше слушают, в некоторых больше кричат.

— **Что такое рок-гургу?**

— Не знаю, по-моему, нелепое понятие.

— **Может быть, это вы?**

— Нет, рок предполагает, что учителей в принципе нет. Ты учишься у всего, что тебе нравится, потихонечку. Одного учителя нет и быть не может.

— **Ну а вы кто тогда?**

— Я скорее рок-аятолла. Джазовый шейх.

— **Это побогаче будет, да?**

— Ну естественно. Фолк-старейшина. Быть старейшиной гораздо удобнее. Потому что можно делать все что угодно, и никто ни за что не спросит.

— **Иоганн Себастьян Бах — ваш любимый композитор?**

— Ну один из любимых, скажем так.

— **Вы бы взяли его клавишником в "Аквариум"?**

— Упаси господь, я бы не стал портить ему карьеру.

— **Борис, зачем вы так много выступаете в последнее время? Есть отзывы типа "группа что-то выглядит устало", пашете много...**

— Мы до концерта усталые и после концерта усталые — а на концерте нет. Потому что нас осталось четверо сейчас, и каждому приходится работать за троих, что очень интересно.

— **Обычно у вас музыкантов на сцене человек семь-восемь?**

— Раньше было до девяти. Даже до двенадцати. А сейчас нас четверо.

— **Что скажете про ваш последний альбом?**

— "Аквариум" записал новый альбом. Он называется "ZOOM ZOOM ZOOM". Записан он был вместо совершенно другого альбома. Неожиданно накатило, и я написал много песен. Мы все бросили и начали их репетировать, играть, а потом записали. Восемь с половиной месяцев работы.

— **Это обычный для вас срок?**

— Нет, долгий, очень долгий.

— **Вот вы, Борис, философ. Зачем, по вашему, люди вообще собираются в зале, слушают, аплодируют вам, к примеру? Что это за потребность такая?**

— Потому что их охватывает неумержимое желание испытать новые эмоции, а в зале эти эмоции можно объединить и испытать всем вместе, что, как говорят, их усиливает. Я предпочитаю музыку слушать сам по себе, на концерты хожу крайне редко. Только если к знакомым или на каких-то очень любимых людей.

— **Не устали жить на два города — вы постоянно в Москве, семья в Питере?**

— Ну два раза в месяц по крайней мере я в Москву приезжаю. В Питере живу на Невском.

— **Прямо на Невском! Здорово. Поди, у вас какие-нибудь именные там соседи!**

— Абсолютно нет... Лучшее бы там кто-то и был более яркий. Но по крайней мере там тихо.

— **На Невском-то?**

— Мои окна во двор.

— **Что больше нравится — Питер или Москва?**

— Сложно сравнивать. Кто больше нравится — мальчики или девочки? Они разные.

ОРАНЖЕВЫЙ

ПО ЧЕТВЕРГАМ

— **А кто вам больше нравится — мальчики или девочки?**

— Смотря в чем. (Смеется.) Если играть музыку, то мальчики. Если не играть, то может быть, девочки.

— **Да, кстати, а как поживают ваши многочисленные девочки и мальчики, которых вы с успехом нарожали?**

— Отлично поживают. Обе сейчас в Москве. Одна снимается, другая лежит на диване и смотрит телевизор. Мальчики — один работает уже. Ему 23. А второй, Глеб, он поближе к музыке.

— **Вот все-таки пошел в отца?**

— Ну, по-моему, он не очень играет, он больше при группе, но все равно приятно. Вообще-то он в зоопарке хочет работать. Он любит ящериц. Весь в меня.

— **...Ящериц. Боже мой. А вы любите ящериц?**

— Я хорошо к ним отношусь, безусловно. И к змеям тоже.

— **Они же могут внезапно напасть?**

— Вы знаете, на меня обычно внезапно нападают люди. Змеи как раз ведут себя крайне тихо.

— **Ну если на них, конечно, не наступить.**

— Если на человека наступить, он тоже набросится.

— **Да если даже и не наступить, набросится.**

— Вот в том-то и дело. Люди более агрессивны.

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ: "Все ненормально, ребята"

— **Как вы относитесь к создаваемому сейчас в России, по крайней мере в крупных городах, обществу потребления?**

— Ну если людей научили, что нужно бегать за деньгами, значит, они будут бегать за деньгами. Я думаю, что этот период пройдет. Дайте им 20—30 лет — они немощно успокоятся.

— **А вы что же, бесребреник?**

— Почему? Деньги получаю, конечно.

— **По общепринятым расценкам.**

— Ну, может быть, даже выше иногда.

— **Но тем не менее, я смотрю, вы достаточно скромно одеты. В 50 лет так, порокерскому... А яркая майка оранжевого цвета — это что, привет, Украина?**

— Нет, оранжевый цвет — это цвет, который нужно носить по четвергам. Меня один священник в кришнаитском храме в далеком индийском городе обучил, что нужно каждый день недели носить разные цвета, что делает благоприятным этот день для человека. Могу рассказать сразу: в воскресенье носят красный цвет, в понедельник — розовый, во вторник — желтый, в среду — зеленый, в четверг — оранжевый, в пятницу — белый, а в субботу — синий. Тогда звезды будут вам благоприятствовать.

— **Вы, я знаю, сами благоприятствуете звездам. Вы стали учредителем РОМС...**

— Хотите коллективно управлять всеми видами авторских прав в Интернете — вместе с Успенским, Петровым и Стасом Наминным?

— Ничего не знаю про это. Мне Стас когда-то звонил с просьбой использовать мое имя. Наверное, он его и использовал.

— **Значит, вы не хотите лишить народ пиратской аудио- и видеопродукции?**

— Вы знаете, я сам вчера ночью слушал как раз пиратского Брамса...

— **Пиратского Брамса?**

— Да, и очень радовался, что у нас пираты настолько культурные. На пиратской пластинке, которая в Англии стоит приблизительно фунтов тридцать, четыре симфонии Брамса под дирижерством Герберта фон Караяна всего за 120 рублей. И я крайне радовался, что на четырехдолларовой пластинке еще и гениальные пояснения, музыкальные комментарии. То есть я снимаю шляпу перед пиратами.

— **И часто вы Брамса слушаете?**

— Мне нравится, как он работает с духовыми. Я в восторге.

— **С высот человеческого духа опустимся в день сегодняшний... Как вам, например, это: "Долгожданный мой, ты всегда со мной. Приходи скорей и меня согрей. Будем мы мечтать, будем дни считать. А любовь уйдет, влюбимся опять?"**

— Это торемное что-то? Это русский шансон, наверное.

— **Замечательная попсовая пошлятина, да?**

— Да в словах-то особенной пошлятины нет. Вполне русская народная песня, если ее хорошо спеть.

— **А может, это духовная свалка?**

— Ну народные песни, как правило, бывают не слишком умные. И это нормально. Знаете, ум проявляется у людей, когда некуда больше деваться. Когда человек в нормальном, расслабленном состоянии, ему или ей ум в общем-то и не нужен...

— **Борис, а как вы относитесь к людям, которые, слушая ваши тексты, крутят у виска: мол, ненормальный?**

— Они правы — я ненормальный. Я и не хочу быть, никогда в жизни не хотел быть нормальным. Мне всегда казалось, что быть нормальным крайне скучно. Опыт подтверждает. Те мои сверстники, которые были нормальными, очень скучают.

— **Как вы боролись со своей нормальностью?**

— А у меня ее никогда и не было. Мне всегда казалось, что нужно жить весело и интересно. И быстро.

— **Быстро купить дом, построить трехэтажный особняк... Машину, какой-нибудь "Гелендваген"?**

— Зачем?

— **Ну ты ж крутой.**

— Если человек крутой, то ему не нужно это доказывать. Если человек кому-то что-то доказывает, значит, он себя и не чувствует крутым.

— **Вам нравится вести программу на радио "Россия"?**

— Я боюсь, что час слушать музыку и мой безответственный треп — это опасно для массового сознания.

— **Я думаю, очень полезно.**

— Ну смотрите, я с удовольствием буду такой авангард вам крутить, что многие слушатели посереют.

— **Кстати, ваши дети читали книгу Севы Гаккеля, в "Аквариуме" был такой музыкант, — папа там предстает, мягко говоря, не совсем героем...**

— Да.

— **Как вы относитесь к такой литературе?**

— Я отношусь очень хорошо, потому что каждый человек должен писать то, что ему приходит в голову, то, что он хочет написать. То есть я не сторонник цензуры в этом смысле.

— **Но вы где-то сказали, что у вас другие воспоминания о том времени.**

— Это совершенно верно. Севка вспоминает, что ему какого-то пирожка недодали где-то. Именно про пирожки там идет речь, кто их пек, и как ему не хватило, и как его побили. А я вспоминаю, как мы с ним музыку писали. И мне кажется, мои воспоминания значительно более интересные.

— **Уел, уел дружка.**

— Ну так он сам напросился.

— **Как поживает другой ваш музыкант — Саша Титов, который бросил "Аквариум", остался жить в Лондоне?**

— Очень переживает по этому поводу. Ему тяжело материально. Да и, собственно, в смысле воплощения своих амбиций бастиста тоже там не очень.

— **Простите обратно?**

— А как он может? У него там семья. Он гражданин Великобритании. Ему нужна виза для въезда в Россию.

— **Так дайте ему визу!**

— Я не совсем царь этой страны. Пока у него сложности.

— **А что, он "политический" какой-то?**

— Нет, он же долго боролся за гражданство Великобритании, и пока еще год он не может оттуда выезжать. У них свои какие-то законы.

— **А где бы вы, Борис, хотели остаться жить?**

— Мне Петербург вполне нравится. Москва для меня немножко бурный город, слишком много тусовки. А в Петербурге мне работать

спокойнее.

— **А тусовка вам не очень, да?**

— Понимаете, скучно. Скучно, потому что темы, которые на тусовке возникают, они, как правило, одни и те же, и они меня давно не интересуют. А когда я хочу кого-то увидеть, приезжаю в Москву и спокойно с людьми разговариваю.

— **Например, в Кремле с Владиславом Сурковым про создание рок-клуба?**

— Да, я встречаюсь со своими друзьями в тихих местах.

— **Слушайте, Боря, а зачем вы занимаетесь экспериментами над массовым сознанием?**

— А смотря что вы называете экспериментами над массовым сознанием.

— **Наверное, все ваше творчество.**

— Понимаете, если бы не было масс, я бы все равно написал все то же самое. Потому что я в принципе помню, как я начинал писать песни. Я их писал для того, чтобы они понравились моим самым ближайшим друзьям, с которыми я, как правило, и играл эти песни. Масса, как замечаете, ни при чем совершенно.

— **А девочки?**

— И девочки ни при чем.

— **А вы вообще влюбчивый?**

— Да нет, я давно уже не влюбчивый. Я отдаю должную дань красоте и грации. И магии женщины. Дань отдаю. А влюбляться не влюбляюсь.

— **Сколько у вас было жен?**

— Я был женат два раза, потом встретил свою теперешнюю жену, и мы с ней спокойно уже больше 20 лет вместе.

— **И она вам родила двух детей?**

— Мы заботимся о трех детях, а четвертая — моя старшая дочка. Она сама по себе давно уже. Мы с женой теперь в основном занимаемся тем, что странствуем.

— **Например, по Индии. В Гоа?**

— Нет, в Гоа нечего делать. Там уже русская мафия. Кстати, имейте все в виду. В Гоа русская мафия уже начинает забивать себе дома, то есть арендовать их у местных, а потом сдавать их за гораздо большую цену русским. В Гоа ездить не нужно, есть масса мест значительно более хороших и значительно менее населенных.

— **Это какие, Боря?**

— А я не скажу.

— **Вы уже прочитали переведенную на русский язык книгу современного мастера медитации, Ринпоче, перед которым вы преклоняетесь?**

— А которую из них? У него несколько книг. Одну из них я перевел сам.

— **Как же это вам удалось?**

— Дело в том, что я знаю, о чем идет речь, знаю его самого и знаю переводчика нашего, который переводит с тибетского на английский. И сам Ринпоче отлично говорит по-английски. И у нас с ним как бы старая дружба.

— **Где вы с ним познакомились?**

— Лет 10 назад. Даже больше. У него в монастыре в Непале. Большой белый монастырь к северу от ступы Боднатх.

— **Красиво. Даже не представляю...**

— А там и правда красиво.

— **Трудно представить это себе, не увидев глазами. Скажите, Боря, а что вы сделали для Тибета? Вот, к примеру, Банко де Гайя написал вещь "Ласт трейн ту Лхаса"...**

— Это неплохой трек, но к Тибету он имеет довольно туманное отношение.

— **Такой длинный, нудный, да?**

— Ну транс — он и есть транс. Этот довольно неплохой. Но Shpongle еще лучше. Имейте в виду.

— **И всё же где ваш вклад в тибетскую культуру?**

— Его за меня Ричард Гир делает.

— **Вы с ним знакомы?**

— У нас есть общие знакомые, скажем так. Далай-лама, например. (Смеется.)

— **Это как фигура речи или на самом деле?**

— Нет, он его знает, я его знаю.

— **А как вы думаете, Ричард Гир знает о том, что есть такой Борис Гребенщиков — живая легенда русского рока?**

— ...Аятолла русского джаза. Да, знает.

— **Последний вопрос: раньше ведь все юности хотели быть рок-музыкантами, муржили эти гитары, мечтали о концертах, а теперь эти увлечения как-то все позабыты. Объясните, хорошо ли быть рок-музыкантом и играть не самую востребованную на сегодняшний день музыку?**

— Никогда этого не говорил, но это интересно. Сейчас просто время другое — сейчас музыка ушла с первого плана. Теперь музыку большая часть народа воспринимает как такого рода обоим звуковые. И никто особо не вслушивается. И это на самом деле так. Но музыка хорошая все равно остается, вне зависимости от того, слушают ее сегодня или нет, ее будут слушать завтра и послезавтра. Это делает меня абсолютно спокойным.